

ВОСКРЕСНЫЕ ВСТРЕЧИ

МАСТЕР МОЖЕТ МНОГОЕ

СЕМЬДЕСЯТ прожито. Пятьдесят отдано сцене, отдано любимому, раз и навсегда избранному делу жизни. Но нет места грусти и сожалениям, когда оказывается, что и вправду «мои года — мое богатство», и вместе с ними приходит мастерство, ощущение больших возможностей, ни с чем не сравнимая радость от сознания того, что тебе под силу столь многое. Может быть, здесь есть и обратная связь: сознание творческих возможностей рождает второе дыхание.

Туляки видят Николая Федоровича Земцова, заслуженного артиста Украинской ССР, практически во всех идущих сегодня на сцене театра имени М. Горького спектаклях. И, думается, на долю его работ приходится и немалая доля их успеха.

Еще не остыл живой интерес к спектаклю по пьесе А. Смирнова «Родненькие мои» в постановке В. Кондратьева. Главный герой его, Виктор Тимофеевич, — не молод, устал уже от работы, обременен заботами, он то и дело считает, сколько же осталось ему до пенсии («Три года два месяца и одиннадцать дней»). Но считает дни он не только от усталости, это, пожалуй, своего рода «маскировка», а уж очень хочется ему скорее полностью отдаться делу, ставшему на склоне лет главным, за слонившим в конце концов все остальное, — собственной даче. Она, дача, стала всепоглощающей страстью. С тревогой и какой-то даже нежностью осматривает калитку, запоры, каждый уголок Виктор Тимофеевич, радуется и дрожит от страха какого-нибудь нечаянного убийства, нависно хвастает, убаюкивая родственников... Играется вроде бы комедия. Но Н. Земцов придает своему герою трагические нотки. Мы видим явные намеки на крушение, распад личности. Артист и любит, и понимает своего героя: да, работал всю жизнь, не щадя себя, труженик, один из миллионов, кто воевал, а потом поднимал страну из руин. «Мне в этой жизни вот столечко даром не досталось! — с болью и возмущением говорит его герой обалдевшим от сытой и бездуховной жизни родственникам. — Все своим горбом добыл! Я и море только по телевизору видел!» Все так, все правильно. Но... Н. Земцов явно заставляет нас спросить своего героя: что же с тобой случилось, Виктор Тимофеевич? Как могли кусочек ухоженной собственной земли с красивой дачкой, пусть нужные тебе, даже необходимые для здоровья, для досуга, но как могли они заслонить собой весь большой, радостный и тревожный мир, сделать тебя ограниченным, жадным и жалким?

НАВЕРНОЕ одно из ценнейших качеств актера — умение полностью перевоплощаться, не повторять самого себя из роли в роль. Н. Земцову это качество присуще в высшей степени. Отсюда широкий диапазон возможностей артиста, яркие, убедительные работы и в комических, и в драматических ролях. Вспомните спектакль «Соловьиная ночь» по пьесе В. Ежова в постановке В. Кондратьева. На сцене — пьяные от счастья молодые солдаты. Кончилась эта страшная, долгая, кровавая война. Дурачатся, подначивают друг друга, мечтают вслух. С ними вместе — ворчливый, добрый, все понимающий старшина Кузвков. Н. Земцов создает истинно русский, народный характер отца-командира, мудрого, если надо — жестокого, если можно — снисходительного и всегда — самоотверженного.

НО ВОТ ИНАЯ РОЛЬ — и талант артиста поворачивается к нам новыми гранями. Два сезона назад на тульской сцене появился спектакль «Да здравствует король!» по пьесе английского драматурга Р. Болта в постановке режиссера В. Кондратьева. Главный советник королевы Елизаветы Сесиль, в исполнении Н. Земцова — опытный царедворец, политик, фанатично служащий Англии. Человек этот — осторожный, внешне мягкий, но с железной волей. Принцип его однозначен: в борьбе все средства хороши. Для него полезно лишь то, что приносит пользу Англии. «А Сесиль?» — спрашивают у него. Ответ ясен и циничен: «И Сесиль!» Если, по его понятиям, что-то выгодно, если ему это нужно — он прикажет пытать, убить, кинуть в застенки. Индивидуальной жизни для

него не существует ничьей. Даже, кажется, и королева, которой он якобы беззаветно служит (по крайней мере ему удастся заставить Елизавету в это верить), для него такая же щепка, жалкая игрушка, как и все остальные.

Как всегда, Н. Земцов укрупняет роль, делает ее значительной, ассоциативной. Задумываясь над созданным им образом, нельзя не провести аналогии к современности, к «политическим акулам» капиталистического мира, лелеющим мечту о мировом господстве. История бесконечна: это из того же материала господа...

О **БОЛЬШОЙ** социальной чуткости артиста говорит его новая работа — роль секретаря райкома Якимова в спектакле «Совесть» по пьесе Д. Павловой и В. Токарева (постановка режиссера В. Подольского). Сейчас, когда наша партия ясно и четко называет социальные и нравственные причины того, почему в экономике и общественной жизни страны, наблюдались негативные явления, театр говорит свое слово, говорит страстным языком своих спектаклей. Герой Н. Земцова Якимов — человек на перепутье, на стыке старого и нового. Он уж не молод, его характер сформировался в те годы, когда важно было хорошо работать, но чуть ли не еще важнее благополучно выглядеть. Он мог быть строгим и нелюдимым, пока дело касалось работы определенного учреждения, он мог наказывать, требовать, мог «сесть шкур снять». Но до той поры, пока бюро райкома не сказало своего слова. Но уж если слово сказано, опыт одобрен, организация поставлена в пример — тут уж после этого критиковать не смеете, тут уж выходит на сцену честь мундира... И вдруг, оказывается, есть люди, для которых существует лишь один авторитет — правда, истинное положение вещей.

Якимов по-доброму убеждает противника в том, в чем сам не убежден. — Н. Земцов очень точно это передает. Якимов запугивает, возмущается, кричит, понимает, что не прав, — во имя привычных «высших интересов». Якимов сломлен, почва уходит у него из-под ног... И все-таки Якимов, переживший со своей страной все ее нелегкие годы, всегда сражавшийся на переднем крае, — этот Якимов устоял, нашел в себе силы признать, что был не прав. Артист создает этот образ так глубоко и достоверно, что мы «читаем» всю жизнь этого человека и понимаем, что он не потерян для партии, он останется бойцом.

ПЯТЬДЕСЯТ лет на сцене. Точнее сказать — на сценах разных городов. Н. Ф. Земцов из тех актеров, которым «не сидится» на одном месте, кого при всем творческом богатстве вечно точит червь сомнения, боязнь наскучить зрителям одного города, к тому же мучит жажда вечно нового — новых ролей, новых режиссеров. Зато эти поездки по городам страны требовали от актера постоянно держать себя в лучшей творческой форме, не давали успокаиваться, расслабляться. Земцов играл в театрах Куйбышева, Пензы, Ставрополя, Томска, Новосибирска, Жданова, В тульском театре он работает второй раз, первый период пришелся на 70-е годы. На вопрос, что тянуло его из города в город, он отвечает кратко: «Я всегда ехал к режиссеру и к роли!». Зато и завидная же выпала ему творческая судьба! Как говорит сам Нико-

лай Федорович, «легче сказать, кого я не играл, чем, кого играл!».

За эти годы актер прожил не десятки — сотни жизней. В пьесах Островского он был Незнамовым, Хлыновым, Робачевым, играл в «Поздней любви», «Женитьбе Белугина», «Шутниках». У Чехова был Астровым в «Дяде Ване», Лопахиным в «Вишневом саде», доктором Дорном в «Чайке». В горьковских спектаклях Николай Федорович играл Захара Барзина во «Врагах», Черкуна в «Варварах», Луку из знаменитой костылевской ночлежки, Тихона Вялого — в «Деле Артамоновых», шахтера Макара Дубраву из пьесы Корнейчука, Рогожина из «Идиота» Ф. М. Достоевского и Герострата в трагикомедии Гр. Горина... И каждый раз перед зрителем возникал самобытный характер, исполненный психологической правды, каждый раз в его герое ощущалась социальная правда и неповторимая индивидуальность человека.

ЗЕМЦОВ, наверное, не мог не стать артистом. Искусство как будто жило в нем с детских лет, со школьных драмкружков. Сразу после школы ему предложили работать в Сталинградском ТЮЗе, и тогда же он понял, что трудный путь актера — его единственная на всю жизнь дорога. Тем более, что школой его жизни были и героические дни Сталинградской битвы. Актеры в эти дни продолжали играть, зрителями были солдаты и офицеры, приходившие в зал с передовой. И Николаю Федоровичу очень дороги две его медали: «За оборону Сталинграда» и «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

Так начинался большой путь артиста. А сегодня, накануне юбилея, он вспоминает, подводит итоги, думает о новых работах. В жизни каждого человека можно найти свои «три кита», на которых она, жизнь, стоит. Жизнь настоящего актера — это его роли. Николай Федорович выделяет три. Первая среди них — образ вождя, Владимира Ильича Ленина.

МОЖНО сказать, что работа над образом Ленина — это совершеннолетие творческой биографии. Почти шестнадцать лет жизни Н. Земцова связаны с этой ответственной работой. Ленин в спектакле «Марш времени» по пьесе И. Романовича. В композиции «Владимир Ильич Ленин» (1970 год, Тула). Образ вождя в «Третьей патетической» и, наконец, в «Кремлевских курантах» Николая Погордина. Капля по капле, ценой огромной творческой работы создавался этот образ, и повсюду пресса отмечала большой успех этой работы артиста. Н. Земцов шел от понимания личности вождя, выраженного в словах Н. К. Крупской: «...неправильно считать, что в Ильиче было два человека — один в домашнем быту, веселый, улыбающийся, чуткий, и другой в общественной жизни... Как в быту, так и в борьбе, он был один и тот же... Он был замечательно цельным человеком».

Второе огромное творческое переживание — это образ Льва Толстого в пьесе И. Друце «Возвращение на круги своя».

Третья столь же значительная для Н. Ф. Земцова роль — Сагадеев в спектакле «Тринадцатый председатель» по пьесе А. Абдуллина, сыгранная им в Томском драматическом театре в 1980 году.

— Для меня в этом человеке, — говорит артист, — воплотились лучшие качества человеческой личности, которые хочется видеть в наших современниках. Жалею, что этот спектакль не идет сегодня в тульском театре — он как нельзя более созвучен сегодняшнему дню, идеям XXVII съезда партии.

— Но каждый актер должен играть не только современных героев, — продолжает он. — Мое убеждение, что без классики у театра нет лица. Хочется играть Чехова, Горького, Островского, Ибсена, Тургенева... Классика — это вечное, это гуманистические идеалы, это прекрасный язык, художественная насыщенность... Она воплощает все лучшее, завещанное нам прежними поколениями, и она всегда смотрит в будущее.

Л. НОСКОВА.

НА СНИМКЕ: Н. Ф. Земцов.